

ПЕРВЫЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ИМЕНИ А.П.ЧЕХОВА

ВЧЕРА фестиваль заговорил по-гречески. И хотя зал был заполнен до отказа, у меня лично нет особой уверенности в том, что все пришедшие на «Персов» в «Аттис Театр» в совершенстве владели греческим. Больше того, боюсь, не все успели перед спектаклем прочесть пьесу по-русски, а ведь она, как и большинство других произведений ан-

тичной драматургии, построена на длинных монологах, лишена интриги и внешнего действия.

Спор о нужности и ненужности синхронного перевода ведется давно. Голоса «за» и «против» звучат одинаково веско. Мне же кажется более разумным предоставить решение этого вопроса непосредственно тем, кто смотрит спектакль. Захотят — воспользуются наушниками, не захотят — не воспользуются: ведь никто никого не неволит. И пока техника не позволит нам использовать бегущую строку, лучше не создавать дополнительных сложностей для зрителей: ведь не все же они театроведы!

Сознаюсь, к своему стыду, я тоже не знаю греческого. Ни древ-

ЭСХИЛ ВСЕ ЕЩЕ НАДЕЕТСЯ

него, на котором сочинил своих «Персов» Эсхил, ни современного, на который их перевел Панос Мулас. Правда, готовясь к встрече с «Аттис Театром», я перечитал пьесу и снова удивился тому, до чего же ничего не изменилось в мире со времен Эсхила, хотя, казалось бы, прошло два с половиной тысячелетия!!! То ли люди позабыли о предупреждениях родоначальника эллинской драмы. То ли до сих пор не могут или не хотят его услышать. А он, судя по спектаклю Теодороса Терзопулоса, продолжает надеяться. Ибо просит в конце концов не о себе и не для себя, но заботится исключительно о нашем благе.

Эсхил написал «Персов» в 472 году до н. э. под непосредственным впечатлением от реальных событий, свидетелем и участником которых он был лично. Таким образом, «Персы» могут считаться первой дошедшей до нас трагедией, сочиненной на современном автору материале, в то время, как большинство античных трагедий и комедий, создававшихся, как правило, на один раз, использовали мифологические сюжеты. Как при этом «Персам» удалось сохранить свою актуальность и злободневность до наших дней, остается загадкой.

Режиссер задался целью не просто представить текст Эсхила, но по возможности воскресить эстетику античного театра с его повышенным вниманием к пластике актерского тела. Находясь на сцене постоянно, они вступают в особое взаимодействие друг с другом, не имеющее, однако, ничего общего с тем, что подразумевал под этим понятием Станиславский. Иногда без слов, с помощью мимики и жеста дополняют они монологи друг друга. Мизансцены все фронтальны. Это создает определенные сложности для исполнителей, что лишают привычной для современного актера четвертой стены и требуют от них повышенной эмоциональности.

Главный партнер всех исполнителей, как и в дни премьеры «Персов» в Древней Греции, находится в зрительном зале. К нему непосредственно адресуются актеры, которыми режиссер пользуется, как красками, рисуя свои полотна. При этом постановщик не стремится специально проводить какие-то аналогии, полагая, что зритель и без того обо всем догадается.

Самое простое сказать, что «Персы» направлены против войны. Тем более что это соответствует действительности. Но сверх того, спектакль и пьеса отвергают чьи-либо неправомерные претензии на мировое господство, самодовольство, ложь, агрессию, заносчивость и другие общеизвестные человеческие пороки, укоренившиеся в нашем сознании так давно и глубоко, что борьба с ними порою кажется бессмысленной.

Театр Теодороса Терзопулоса считает, что цель не может оправдать средства, при помощи которых она осуществляется. Автор пьесы и режиссер спектакля понимают друг друга и вступают во взаимодействие с актерами, которые видят в своих героях реальных людей, предчувствующих беду, но не способных, однако, ее предотвратить. Именно это обстоятельство и усиливает трагедийный пафос спектакля, который воспринимается как притча на все времена. А когда Атосса молча, в иступлении поднимает с земли фотографии, мы понимаем: на них запечатлены те, кого уже нет в живых. И в голове в этот момент почему-то возникают строчки, написанные совсем в другое время: «Ах, война, что ты сделала, подлая...» И берет тоска и обиды за всех, кто недожил, недолюбил, недопел и тогда, в V веке до н. э., и в наши дни — вчера, сегодня, завтра.

А Эсхил по-прежнему все еще надеется, все еще надеется...

Борис ПОЮРОВСКИЙ.